

А. М. Горький.

Рисунок художника А. Панфилова.

Наш Горький

(К шестилетию со дня смерти)

Шесть лет назад умер Горький. В прошлом году страна отметила пятилетие его смерти за 4 дня до войны. Сейчас кажется, что это было очень давно. Так много пережито, перечувствовано, передумано за этот год и так изменились в сознании меры и масштабы явлений, что многое вчерашнее кажется давно прошедшим и многое, очень многое прошедшее оказывается удивительно близким, реальным, сегодняшним.

Как никто, советские люди научились дорожить своими духовными ценностями, миром своих идей, гордостью могучей мысли, рожденной народом и отточенной временем, как оружие. То, что составляло всегда опору нашего сознания, растило и выпрямляло душу народа, звало и благословляло русских людей на благородный подвиг, на крылатый полет, стало предельно необходимым и дорогим миллионам советских людей в час их борьбы с врагом. Непрощающую ненависть вызвал вандализм тупых механических гитлеровских солдафонов в отношении памятников и реликвий культуры советских народов, будь то дом Чайковского, могила Шевченко или простреленный немецкой пулей пушкинский портрет. Чувство великой берегаемой ценности культуры обострилось необычайно, потому что в ней, в культуре нашего народа, заключена большая доля того, что мы защищаем в этой войне, готовые отдать свою жизнь. И в этот год советские люди еще больше полюбили Горького.

Он был ближайшим к нам по времени, по духу великим писателем земли русской, последним из могучей плеяды художников XIX века, создавших славу русской литературе, утвердивших ее влияние на мировую культуру. И он был первым, кто своим творчеством начал новую страницу культуры своего народа, своим именем открыл список великих художников слова Советской страны.

Для нас Горький — современник. Мы знали его не только как художника, но и как человека. Он был беспокойным человеком, умел шевелить людей, разжигать их творческую жажду, раздражать иных своей неугомонностью, и всегда вокруг него, как за винтом корабля, кинул пенный бурн, летели брызги, билась глубокая и мощная струя.

Его слово тревожит, волнует, берedit мысль, глаголом жжет серпы людей; и кто в этот год, среди событий и тревог военной страды заглянул в наутал взятый том его произведений, знает, с какой властной силой захватывает, подчиняет себе и ведет в свой мир писатель. Мир этот огромен. Никто из художников не умел так изобразить уродство и красоту человека и так страстно отстаивать прямую, строгую, чистую моральную силу, нравственную красоту человека, гордого, неборимого в труде творца, создателя всех ценностей жизни.

Горький назвал эту силу гордого человека: труд, разум, борьба. Он вкладывал в сознание каждого, кто прикоснулся к его строкам, глубокую веру во всемогущество человека, в способность его преобразовать мир, в способность людей создать достойную человека жизнь. Советский Союз стал для него воплощением его творческой мечты, продолжением его искусства, и Горький с благоговением говорил о гениальных мастерах жизни, Ленине и Сталине, с которыми связала его долголетняя дружба.

Буревестник, зовущий на землю очистительную бурю, он помогал советскому человеку бросить вызов всем яростно-слепым стихиям, свирепствующим на земле против разумного и творящего человеческого начала. Ненависть Горького ко всему враждебному человечеству, к косности, мракобесию, алчности, реакции политической и духовной, к тунеядству и пар-

зитизму была неистовой. Она составляла его писательский подвиг. Он не уставал бороться за человека пером художника и публициста, своим огромным творческим проникновением и своим необъятным знанием жизни, людей, культуры.

Горький видел надвигающуюся на мир новую трагедию. С неутомимой энергией он выступал против фашизма, этой «рак-ковой опухоли» старого мира. Он клеймил и разоблачал фашизм и призывал писателей, мастеров культуры: «Налле дело — разоблачать старое, гнилое содержание фашизма и лживую, религиозную его основу, теорию расового расчленения народов... Наше оружие — слово, наша обязанность как можно лучше закалять идеологически, заострять слово, — и вложить оружие наше в души и уста...» Он первый из художников слова взял на себя эту работу.

«Удовлетворяя стремление хозяина-империалиста к новому «перелому мира» посредством новой всемирной войны, фашизм выдвинул теорию права германской расы на власть во всем мире, над всеми расами». В первых же шагах фашизма Горький уже чувствовал запах крови, которая будет обильно пролита. «Фашизм, — писал он, — отрицание культуры, проповедь войны, крик обессиленного о желании быть сильным»: «Фашизм и расовая теория — цинически обнаженная проповедь вооруженного грабежа».

Уже точились ножи и топоры гитлеровскими разбойниками, уже Муссолини писал о «благое войны», уже повисала над миром черная воинственная угроза, — и, поднимая свой голос, неутомимо будоража мир тревожным предостережением о гонимых «преступном безумии» фашистских империалистов, Горький восклицал: «Сколько городов, фабрик, заводов будет разрушено в пыль и прах, сколько будет потоплено прекрасно сделанных кораблей, испорчено земли. Будет истреблено множество детей».

Враг человека и человечества поднимал голову, и Горький бросал ему в лицо страшную ненависть. Он собирал, мобилизовывал эту ненависть, он требовал ее, он закалял ее, как клинок. «Подлинный, искренний революционер, — писал он, — не может не носить в себе сознательной, активной, героической ненависти к подлому врагу своему. Наше право на ненависть к нему достаточно хорошо обосновано и оправдано». И слово его облетело весь мир: «Если враг не сдастся, — его уничтожают».

Великий гуманист и жизнелюбец, он звал на битву с ненавистным врагом — во имя человека. «Это будет битва, где против армии обманутых рабов, защитников бесчеловечной власти хозяев над ними, встанет армия, каждый боец которой будет хорошо знать и чувствовать, что он бьется за свою свободу, за свое право быть единственным властелином своей страны. Этот боец и победит».

Когда настал час кровавой битвы, Горького уже не было. Но боец, о котором он писал, пошел в бой с фашизмом, неся в своем сердце горьковское слово и великую любовь к человеку. Он показал в борьбе ту героическую ненависть, к которой взывал Горький. И он помнит пророческие слова писателя, громадным умом и большим сердцем предугадавшего: «Этот боец и победит».

Сейчас наша битва в разгаре. Это битва за родину. Это битва за мир, разумный и достойный людей. Это битва за свободного, творящего, гордого человека. Это битва за культуру, за духовные богатства народов, за драгоценные россыпи благородной, величественной человеческой мысли. К этим богатствам принадлежит и Горький.

Он идет и сегодня рядом с нами — певец борьбы, пророк победы, ставший еще ближе и дороже всем нам.